

*Посвящается Джо Макнили.
Среди его многочисленных достоинств —
способность смеяться над собой вместе с нами.
С ним мир становится лучше*

Все знания, совокупность всех вопросов и всех ответов заключены в собаке.

Франц Кафка

Мы одиноки, абсолютно одиноки на этой случайной планете, и среди всех форм окружающей нас жизни никто, кроме собак, не заключил союза с нами.

Морис Метерлинк

Если вы подберете голодного пса и устроите ему хорошую жизнь, он вас не укусит. В этом принципиальное отличие собаки от человека.

Марк Твен

Собака — единственное существо на Земле, которое любит вас больше, чем себя.

Джош Биллингс

ТЕМНЕЕ ТЬМЫ

ВТОРНИК, 16:00 — СРЕДА, 17:00

1

С момента катастрофы прошло три года. Сердце и разум Меган Букмен пришли в спокойное состояние, хотя временами ее охватывала тревога; возникало чувство, что время уходит и под нею вот-вот развернется бездна. Это было не вспышкой озарения, а просто следствием того, что она овдовела в тридцать лет. У нее внезапно отняли все: любовь, которая, как она думала, будет длиться вечно, мужчину, который, как она верила, состарится вместе с ней. Это нынешнее ощущение, что где-то колокола отбивают ее последний час, пройдет; оно всегда проходило.

Она стояла у двери комнаты своего единственного сына и смотрела на него. Сын сидел за компьютером, возле которого стояла уйма дополнительных устройств, погруженный в исследование того, что сейчас занимало его ум.

Сына Меган звали Вудро, но все называли его Вуди. За одиннадцать лет жизни Вуди Букмен не произнес ни слова. Младенцем и в первые годы жизни он плакал, но после четырех лет перестал. Он смеялся — правда, редко, — услышав или увидев что-то смешное. Причина его смеха часто оставалась тайной для его матери. Врачи диагностировали у Вуди редкую форму аутизма, хотя, по правде говоря, они просто не знали, что с ним делать.

К счастью, он не отличался непредсказуемыми выходками, характерными для аутистов. Вуди не был склонен к эмоциональным взрывам и не проявлял упрямства. Тем, кого он знал, он позволял дотрагиваться до себя; он не отстранялся и не испытывал ментального дискомфорта. Зато незнакомцы вызывали у него подозрение, а нередко и страх. Вуди внимательно слушал все, что ему говорили, и был, по крайней мере, так же послушен, как Меган в детстве.

В школу он не ходил. Домашнего обучения тоже не было. Вуди был исключительным самоучкой. На пятом году жизни он научился читать, а через три года уже читал на уровне студента колледжа.

Меган любила Вуди. Да и могла ли она его не любить? Ее сын был зачат в любви. Его сердце начало биться, когда он еще находился в ее чреве, и все эти годы билось в одном ритме с ее сердцем.

Внешностью он не уступал детишкам с картинок рекламы печенья и был по-своему ласковым. Хотя Вуди позволял обнимать и целовать себя, сам он никогда не обнимал и не целовал ее. Бывали неожиданные мгновения, когда он касался материнской руки или ее иссиня-черных волос, а затем своих таких же, как бы говоря, что знает, от кого унаследовал эти волосы.

Вуди редко смотрел в глаза, а когда смотрел, в его глазах порою блестели непролитые слезы. Чтобы мать не подумала, будто ему грустно, он всегда одарял ее улыбкой, граничащей с усмешкой. Если Меган спрашивала: «Это слезы счастья?» — Вуди кивал. Однако он не мог или не хотел объяснять, что именно делает его счастливым.

Трудности в общении означали, что мать и сын не могут в полной мере делиться своими мыслями и впе-

чатлениями, как того хотелось бы Меган, и это являлось постоянным источником ее печали. Сын тысячу раз разбивал ей сердце, но своей мягкостью и нежностью тысячу раз его исцелял.

Меган ни на миг не пожалела, что Вуди не растет обычным, не страдающим аутизмом ребенком, поскольку тогда он был бы совсем другим. Она любила сына, несмотря на все трудности и превратности их совместного жизненного путешествия, а в какой-то мере — благодаря им.

— Вуди, у тебя все в порядке? — не переступая порога комнаты, спросила Меган. — Ты сам тоже в порядке?

Вуди сидел спиной к матери, целиком поглощенный общением с компьютером. Но, услышав материнский вопрос, он поднял правую руку. Его указательный палец тянулся к потолку. Меган давно знала, что этот жест означал «да» и мог переводиться как «Мама, я на луне».

— Хорошо. Сейчас восемь часов. В десять ложись спать.

Вуди покрутил поднятым указательным пальцем и тут же опустил руку на клавиатуру.

2

Документ, над которым долгое время работал одиннадцатилетний Вуди Букмен, имел довольно длинное название: «Сыновняя месть: добросовестно собранные доказательства чудовищных злодеяний». Сохранив файл, он выключил компьютер и направился в примыкающую к его комнате ванную. Там он почистил зубы электрической зубной щеткой «Соникер», работающей на

батарейках. Чистить зубы обычной щеткой ему не разрешалось, поскольку Вуди был настолько одержим чисткой собственных зубов, что мог драить их двадцать минут подряд. Результатом стало серьезное повреждение десен, и ему потребовалась трансплантация десенной ткани. В десять лет Вуди сделали челюстную операцию, дабы сохранить три нижних зуба слева.

Для таких операций пародонтологи использовали стерилизованные, дезинфицированные ткани, взятые у трупов. Три нижних зуба Вуди окружала чужая десенная ткань, доставшаяся ему от мертвеца, и новых операций он не хотел. Ткань неизвестного донора никак не беспокоила его и не вызывала странных побуждений. В мозгу Вуди не вставали картины из жизни донора, и он не испытывал настойчивого желания кого-то съесть, как герои «Ходячих мертвецов»¹. Трансплантация не превратила его в зомби. Такие мысли были из разряда дурацких предрассудков.

Вуди было стыдно за людей, которые верили в дурацкие предрассудки. Ему также было стыдно за людей, которые сердились из-за мелочей, за людей, которые обзывали других, жестоко обращались с животными.

Многие люди по разным причинам заставляли его стыдиться за них.

Ему было стыдно и за себя, за то, что он представлял опасность для собственных зубов. У щетки «Соникер» имелся двухминутный таймер. И потом, она удаляла налет с зубов не щетиной, а звуковыми волнами. Без таймера рот Вуди превратился бы в кладбище десен, где вместо надгробий торчали бы оголенные зубы.

¹ Речь идет о героях комиксов и сериалов с одноименным названием. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Еще одной причиной его смущения было возникавшее иногда желание поцеловать девчонку. Вплоть до недавнего времени такая мысль вообще не приходила ему в голову. Поцелуй казался ему гадким занятием, при котором разбрызгивается слюна. Должно быть, с ним что-то не так, если у него возникают подобные желания. И еще (ну вот опять) его смущало то, что, если он когда-нибудь спросит у девчонки разрешения ее поцеловать, он ни за что не расскажет ей про десенную ткань, доставшуюся ему от мертвеца, боясь, что девчонку затошнит и она убежит. Умолчав, он солгал бы, и думать об этом было унижительно, поскольку ложь — главный источник всех человеческих страданий. Слово «унижение» можно определить как болезненное ощущение, что тебя оскорбили, а это еще хуже, чем смущение.

Сколько он себя помнил, ему всегда было стыдно за себя и за других. Это было одной из причин, почему он не говорил. Если бы он осмелился заговорить, он бы подробно рассказал людям о том, какие их поступки смущают его, а затем рассказал бы о том, что смущает его в самом себе, а это был длинный список. Вуди казался себе сплошь состоящим из путаницы и противоречий. Так оно и было. Люди не желали слышать ни о его путанице и противоречиях, ни о своих собственных. Но не сказать им об этом означало бы соврать, смалодушничав, а мысль о вранье настолько унижала Вуди, что ему становилось тошно. Уж лучше молчать, не произнося ни слова, и тогда, быть может, ты понравишься людям. Если ты ничего не скажешь им о своей путанице и противоречиях, они, скорее всего, не заметят.

Одной из самых обескураживающих особенностей людей было то, насколько они лишены наблюдательности.

Почистив зубы, Вуди лег в кровать и погасил лампу на тумбочке. Темноты он не боялся. Никаких вампиров, оборотней, зомби и им подобных не существовало, а вероятность того, что в спальне появится мертвец-донор и потребует назад свою десенную ткань, равнялась нулю.

Единственными чудовищами были люди. Не все. Некоторые. Например, те, кто убил его отца. С момента отцовской смерти прошло три года, однако никого не обвинили в убийстве и не посадили в тюрьму. Все до сих пор считали его смерть результатом несчастного случая. Вуди был иного мнения. Сегодня он наконец-то завершил «Сыновнюю месть: добросовестно собранные доказательства чудовищных злодеяний», и теперь виновные ответят по закону.

Вуди был очень смышленным. С семи лет он читал на уровне студентов колледжа, хотя это вряд ли о чем-то говорило, поскольку многие выпускники колледжа ничего толком не знают. В свои одиннадцать Вуди был опытным хакером. За последние два года ему удалось проникнуть в тщательно защищенные компьютерные системы и наставить там руткитов. Теперь Вуди мог спокойно входить в их сети, а служба безопасности даже и не подозревала, что кто-то выуживает из электронных глубин секретные данные. Порою путешествия по Темной Паутине заводили его в странные места.

В ожидании сна Вуди заставлял себя думать о чем-нибудь приятном. Он в очередной раз испытал смущение, когда представил, как целует девчонку, фотографию которой видел в журнале. Вуди попытался задать мыслям иное направление, но не смог. Если когда-нибудь, через несколько лет, ему встретится девчонка с транс-

плантированными участками десен, у них будет что-то общее. Вуди целовали в щеку, в лоб, только не в губы, однако сам он никого не целовал. Если ему встретится такая девчонка, быть может, с нею он научится целоваться.

3

От Дороти пахло смертью.

Ей было семьдесят шесть. Она знала, что на рассвете покинет этот мир.

Жестокая правда. Мир был прекрасным местом, но полным жестокой правды.

Большинство ночей своей долгой жизни Дороти провела в этой спальне. Сейчас рядом с нею находилась хосписная сиделка Роза Леон, жившая в доме Дороти и ухаживающая за ней.

От Розы пахло жизнью, шампунем с клубничным ароматом и мятными леденцами, которые она обожала.

В этой спальне Дороти и ее покойный муж Артур предавались любви и зачали своего единственного сына Джека.

Артур был бухгалтером. Он умер в шестьдесят семь лет.

Джек погиб на войне в двадцать восемь. Родители пережили его на несколько десятков лет.

Потеря ребенка была главной трагедией жизни Дороти.

Но она гордилась Джеком; она не пала духом и упрямо продолжала вести достойную жизнь.

Кипп не знал ни Джека, ни Артура. Эти имена были ему знакомы лишь потому, что Дороти очень часто говорила о них.

Роза сидела в кресле, читала роман в мягкой обложке и даже не подозревала, что Смерть приближается к ее хозяйке.

Сейчас Дороти спала. Снотворное избавляло ее от болей.

Когда Дороти мучилась от приступов боли, Кипп тоже страдал. Он жил у нее всего три года, но очень любил хозяйку.

Такова была его природа: любить без всякой причины.

Прежде чем настанет момент ее ухода, ему нужно собраться с духом, подготовиться к неминуемой потере.

Кипп спустился вниз, открыл собственную дверцу, устроенную в человеческой двери, и очутился на широкой террасе. Ему нужно было подышать свежим воздухом.

Дом стоял над озером Тахо, футах в двадцати от него. Мягко шуршал прилив. В волнах отражался остроконечный серп луны, порождая множество бликов на водной ряби.

Ветерок доносил богатое разнообразие запахов. Пахло сосновой иглой, кедром, дымом камина, мачтовым лесом, грибами, белками, енотами и многим другим.

Слышал Кипп и странный непрекращающийся шепот. Этот шепот появился совсем недавно.

Поначалу он решил, что это тиннитус — шум в ушах, от которого страдают некоторые люди, но шум в ушах был здесь ни при чем.

В этом неумолчном потоке он почти слышал слова. Поток шел откуда-то с запада. Точнее, с северо-запада.

После смерти Дороти Кипп обязательно займется поиском и найдет источник звука. Хорошо, что у него есть неотложное дело.

С террасы Кипп спустился во двор. Подняв голову, он смотрел на звезды и думал.

Хотя он был необычайно смышленным псом — насколько смышленным, знала только Дороти, — он не понимал, что все это значит.

Он не один такой. Все философы в человеческой истории, а они были несравненно мудрее его, не смогли создать теорию, которая удовлетворила бы всех.

Вскоре после его возвращения в спальню Дороти проснулась.

Видя, что Роза читает роман, Дороти слабым голосом попросила:

— Роза, дорогая, вам непременно нужно читать Киппу вслух.

Не желая огорчать свою пациентку, Роза все же спросила:

— А вам не кажется, что Диккенс вне уровня его понимания?

— Ни в коем случае. Совсем наоборот. Я помню, с каким наслаждением он слушал, когда я читала ему «Большие надежды». Он обожает «Рождественскую песнь».

Кипп стоял у кровати хозяйки, смотрел на нее и вилял хвостом.

Дороти постучала рукой по матрасу, приглашая его к себе.

Кипп запрыгнул на кровать, лег рядом и уткнулся мордой в бедро хозяйки.

Дороти коснулась его большой головы, нежно потрепала висячие уши и погладила золотистую шерсть.

Ненавистная Смерть уже стояла на пороге, но в сердце Киппа рядом с горем соседствовало блаженство.

4

Двухполосное шоссе темной змеей извивается вдоль пустошей Юты, омываемых бледным светом луны. В этом почти пустом пространстве то здесь, то там светятся далекие скопления огоньков, словно с орбитального корабля инопланетян спускаются летающие тарелки, готовясь к какой-то гнусной миссии.

Двигаясь на юг от пригородов Прово к еще более пустынным местам, Ли Шекет не отваживается ехать по федеральному шоссе 15. Он едет по менее оживленным дорогам штата, а в случае необходимости — по второстепенным федеральным трассам, не имеющим разделения полос. Ему не терпится оказаться как можно дальше от событий, произошедших в лабораторном комплексе Спрингвилла.

Если он и совершил столько же зла, сколько любая историческая личность, то делал это с лучшими намерениями. Ли считает, что эти намерения значат больше, нежели последствия его действий. Выбралось бы человечество из пещер, построило бы орбитальные станции, если бы все мужчины и женщины боялись рисковать? Кто-то стремится к знаниям и любой ценой преодолевает трудности. Благодаря таким людям и совершается прогресс.

Как бы там ни было, все еще может кончиться хорошо. Окончательный результат проекта пока неизвестен; известно лишь, что на средней стадии произошел сбой. В науке каждое начинание ознаменовано неудачами. В конечном итоге любая неудача способна стать матерью успеха, если умеешь учиться на сделанных ошибках.

Однако нынешнюю неудачу Ли считает абсолютной.

Он едет не на своей «тесле», не на «Мерседесе SL-550», поскольку власти рано или поздно объявят его в розыск. Шекет сидит за рулем кроваво-красного «додж-демона», загруженного всем необходимым. Эту машину он купил за сто сорок шесть тысяч долларов через компанию с ограниченной ответственностью, базирующуюся на Каймановых островах. Его имя никак не фигурировало при покупке автомобиля, а потому даже самый въедливый следователь не найдет концов. Номерные знаки на его «додже» выданы в штате Монтана. На тот невероятный случай, если полиция все же пронюхает, кто является владельцем «доджа», GPS-навигатор с машины снят, а потому никакой спутник не отследит его местонахождение.

В багажнике, в одном из двух чемоданов, лежат сто тысяч долларов. Еще триста тысяч в стодолларовых купюрах спрятаны в потайном отсеке спинки пассажирского сиденья. Чтобы их достать, нужно надавить на две потайные защелки. В подкладку черной спортивной куртки из мягкой кожи зашито тридцать шесть высококачественных бриллиантов, за каждый из которых любой ювелир-оптовик выложит полмиллиона.

Но эти средства нужны Ли не для того, чтобы растягивать их до конца жизни. Они позволят ему затаиться на несколько месяцев, пока не спадет ажиотаж с про-

валом спрингвиллского проекта. Он покинет территорию Соединенных Штатов и благополучно доберется до Коста-Рики, следуя туда круглым путем. Ему предстоит пересечь границы пяти стран и трижды сменить удостоверение личности. В Коста-Рике у него есть пристанище, записанное на имя Айена Стоунбриджа и действующий швейцарский паспорт на то же имя.

Вплоть до недавнего времени он был генеральным директором «Рефайн» — филиала многомиллиардного конгломерата, имеющего баснословную стоимость. Немногим генеральным директорам, которые возглавляют многомиллиардные компании, хватает прозорливости представить, что в один отнюдь не прекрасный день в их корпорации разразится масштабный кризис, а потому они не обзаводятся заранее новыми документами и не копят денежки в тихих местах, подальше от Штатов, чтобы потом десятками лет сохранять высокий уровень жизни, к которому привыкли. Шекет гордится своей мудростью и здравомыслием, хотя он намного моложе других генеральных директоров.

Ему тридцать четыре. Он не так уж молод по меркам положения, занимаемого им в экономическом секторе, где технологические волшебники создают компании и становятся миллиардерами в свои двадцать. Ли подчиняется Дориану Перселлу — председателю совета директоров материнской компании. Тот стал миллиардером в двадцать семь, а сейчас ему тридцать восемь. Однако сам Шекет стоит лишь сто миллионов.

Дориану хотелось, чтобы исследования в Спрингвилле велись с головокружительной скоростью. Шекет подчинялся: ведь при успешной реализации их первичного проекта акции «Рефайн» подскочат и он тоже

станет миллиардером, хотя и не мультимиллиардером. А вот пятидесяти миллиардное состояние Дориана, скорее всего, удвоится.

Миллиард видится Шекету жалкой компенсацией. Это несправедливо, потому он скрипит зубами во сне и часто просыпается с ноющими челюстями. Если у тебя всего миллиард, среди принцев высоких технологий ты никто. Как бы эта толпа ни изображала социальное равенство, многие из них крепко держатся за классовое сознание элиты. Таких сословных фанатиков мир еще не видел. Ли Шекет ненавидит их почти так же сильно, как хочет быть одним из них.

Если ему до конца жизни придется прятаться и существовать на жалкую сотню миллионов, всю массу свободного времени он употребит на разработку способов уничтожения Перселла. Других занятий у него не будет или будет очень мало.

Ли Шекет с самого начала понимал: если дела примут совсем скверный оборот, всю вину ему придется взять на себя. Дориан навсегда останется неприкосновенным — иконой революции высоких технологий. И тем не менее сейчас, когда Шекет вынужден платить такую цену, он чувствует себя обманутым, облапошенным, подставленным.

Мчась по ночным дорогам, он бурлит от гнева, жалости к себе и беспокойства. К ним примешивается и незнакомая ему эмоция, которую он принимает за горе. Девяносто два сотрудника корпорации «Рефайн» наглухо заперты в тщательно охраняемом лабораторном комплексе близ Спрингвилла и в последние часы жизни полностью лишены каких-либо контактов с внешним миром. Ли зол на них не меньше, чем на Дориана. Один

или несколько этих гениев, наплевав на меры предосторожности, сотворили нечто такое, что решило их судьбу, а его поставило в невыносимое положение. Однако некоторые из них — его друзья, в той степени, в какой генеральный директор может позволить себе дружбу с подчиненными, и потому сейчас их страдания его угнетают.

При строительстве комплекса Шекет приложил все усилия и добился того, чтобы модуль, где находился его кабинет и кабинеты пяти его непосредственных заместителей, в случае кризиса герметизировался на девяносто секунд позже всех остальных помещений. Когда прозвучал сигнал тревоги, Ли заверил ближайшее окружение, что они в полной безопасности и должны оставаться на своих местах, а сам тихо ушел.

У него не было иного выбора, как солгать им. Сигнал тревоги означал не надвигающуюся опасность, беда уже грянула. Все они уже заражены наряду с исследователями в лабораториях. Шекет тоже был заражен, однако в смертельно опасной ситуации вроде этой он не мог столь же легко солгать себе, как лгал коллегам.

До сих пор удача ему улыбалась и он избегал последствий своих ошибок. Возможно, удача улыбнется ему и на этот раз и его побег будет удачным.

Вскоре за ним начнется охота, в которую включатся не только силы правопорядка, но и безжалостная команда «чистильщиков» Дориана. Он надеется — исключительно из милосердия и сострадания к обреченным, — что все работники спрингвиллского комплекса погибнут и свидетельствовать против него будет никому.

Когда Роза спустилась вниз, чтобы сделать себе сэндвич, Кипп остался наедине с Дороти.

От ночника шел неяркий свет. Тени в спальне замерли, как стоячая вода. Лунное сияние серебрило могучую сосну, росшую за окном.

— Я договорилась с Розой, — начала Дороти. — Когда я умру, ты останешься с ней. Она будет хорошо заботиться о тебе.

В ответ на слова хозяйки Кипп трижды ударил по покрывалу хвостом. Троекратный удар означал: «Да, все так». Однократный — «Нет» или «Я так не думаю».

По правде говоря, судьба уведет его в другое место и с Розой он не останется.

Однако незачем расстраивать Дороти.

— Дружочек, ты был для меня не менее ценным подарком, чем мой сын Джек и дорогой прекрасный Артур.

Кипп убрал голову с бедра хозяйки и лизнул ее бледную руку, часто гладившую его шерсть и угощавшую деликатесами.

— Жаль, что мы так и не нашли способа разгадать тайну твоего происхождения. — Кипп протяжно вздохнул, выражая согласие. — Но в конце концов, все наши истоки одинаковы. Они рождаются в сердце, и это делает нас такими, какие мы есть.

Киппу хотелось сказать хозяйке так много, пока еще есть время.

И хотя уровень его интеллекта непонятным образом повысился до человеческого, собачья гортань не была приспособлена для речи. Кипп мог издавать множество звуков, но не слов.

Дороти разработала оригинальный метод общения, но устройство для общения находилось на первом этаже, а ей уже не хватало сил встать и спуститься вниз.

Ничего страшного. Все, что Кипп хотел ей сказать, было уже сказано раньше. «Я люблю тебя. Я буду ужасно по тебе скучать. Я никогда тебя не забуду».

— Дорогое дитя, позволь мне заглянуть в твои глаза, — попросила Дороти.

Кипп переместил голову ей на грудь и встретился с ее любящим взглядом.

— Твои глаза и сердце такие же золотые, как твоя порода, дорогой Кипп.

Глаза Дороти были синими, ясными и глубокими.

6

Ли Шекет паркует «додж-демон» в дальнем углу стоянки мотеля «Бест вестерн» в городке Дельта, штат Юта. Сидя в машине, он сбривает свою аккуратную, ухоженную бородку, которую носил с тех пор, как ему исполнилось двадцать четыре года. Затем он ополаскивает руки антисептиком и надевает контактные линзы, продаваемые без рецепта. Цвет его глаз меняется с серо-стального на карий.

Скрыв большую часть своих светлых волос под бейсболкой, Шекет едет дальше. Он движется по штатному шоссе 257, сворачивает на шоссе 21, затем на шоссе 130. Проехав сто двадцать пять миль, он прибывает в Сидар-Сити, где регистрируется в местном отеле «Холидей инн» по водительскому удостоверению и кредитной карточке на имя Натана Палмера.

Оглавление

ТЕМНЕЕ ТЬМЫ	
Вторник, 16:00 — среда, 17:00	9
НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ	
Среда 17:00 — четверг 1:00	137
ПЕС И ЕГО МАЛЬЧИК	
Четверг 1:00–4:00	233
МИСТЕРИУМ	
Четверг 4:00 — и далее	341